

Россия колдунов или Россия болтунов? О книге Сергея Эрлиха¹

Б. Н. Миронов

С. Эрлих в «России колдунов» претендует – ни больше, ни меньше! - на решение многих «проклятых вопросов» российской (он предпочитает говорить – русской) жизни: что есть русская цивилизация, чем она отличается от европейской и что ее ожидает, что есть русская интеллигенция, какова ее роль в российской истории? Полагая, что Россия находится на смертном одре, он предлагает новое и никому неизвестное лекарство, которое ее может вылечить. Но и это не все. Он думает, что историческая наука находится в глубочайшем кризисе, и он, Сергей Эрлих, знает, как из него выйти. Попутно с решением проклятых вопросов, он затрагивает массу содержательных и методологических проблем российской и мировой истории от индоевропейских времен до сегодняшнего дня и по всем решительно судит и рядит. Он не боится клеймить и стыдить тех, кто придерживается других воззрений.

Таким образом, автор смело берет на себя роль судьи, врача и пророка. При этом он сознает, что его оригинальная точка зрения не найдет поддержки у современного научного сообщества и готов пострадать за истину, которую он являет миру. Временами кажется, что он не просто готов, а страстно хочет, чтобы его забросали камнями: в воплях возмущения, а не в криках восхищения ищет он подтверждения своей правоты.

Как же С. Эрлиху удастся на 497 страницах все это совершить?

Книга включает четыре, на первый взгляд не связанных очерка. На проверку оказывается, что книга – состоит из четырех взаимосвязанных частей, в которой два главных сюжета – история русской цивилизации и история русской интеллигенции -

¹ Сергей Эрлих. Россия колдунов. СПб.; Кишинев: Высшая антропологическая школа, 2003. 497 с.

носительницы архетипа цивилизации. В первой части «Россия колдунов (сакральная природа интеллигенции)», (108 с.), давшей название книге, автор сразу без обиняков высказывает все свои главные идеи и постулирует свое теоретическое и методологическое кредо. Вот оно. Россия особая цивилизация, сущность которой, как любой другой, сосредоточена в ее первоначальной религии. Для России это - не православие, как многие думают, а язычество. Язычество создало в русской душе самые прочные архетипы (в юнговском смысле), которые вплоть до настоящего времени оказывают наиболее сильное влияние на поведение русского человека. Киевский, московский, петербургский и советский периоды оказали некоторое влияние на русского человека. Однако они отложились в русской душе сравнительно с языческим периодом тонкими слоями. Именно «языческий слой имеет решающее значение в природе русской цивилизации», (с. 15), именно в языческий период сформировались архетипы, которые определяют ее сущность до настоящего времени. Архетип русской цивилизации – в верховенстве светской власти и в смешении функций светской и сакральной власти и вытекающая из этого приниженность закона, неуважение к нему. Архетип же западной цивилизации – верховенство сакральной власти, разделение властей и уважение к закону. Россия – страна воинов, а Европа – это страны колдунов. Архетипы не меняются, если же они изменяются, то их носитель-цивилизация перерождается. Реформированная по западному образцу Россия «не станет демократической, она перестанет быть Россией. Страна, рожденная под знаком Перуна отважными гребцами-грабителями, не может переродиться и сохранить собственное имя. Потому что имя – “это программа смысла”. Если *русь* изначально было именем “воинов”, то обозначенное им сообщество, потеряв свой “программный” воинский смысл, неизбежно переименуется в не-Россию. Этническая программа, аналогично, компьютерной, стирается из памяти вместе с именем» (с. 44).

Современная Россия обречена. Что будет после России? «Самый вероятный сценарий – заполнение “черной дыры” соседними цивилизациями. Запад осуществит

мечту генерала де Голля об Европе “от Атлантики до Урала”. Южные территории отойдут миру ислама. Большая часть Сибири и Дальний Восток окажутся за Великой китайской стеной. Ассимиляция Западом – наиболее вероятная судьба большинства пока еще русских людей... [Русские] красивые женщины отправятся улучшать дегенеративную природу американцев и европейцев; умные мужчины отдадут свой талант во славу принявших их народов; оставшиеся посредственности будут частично оттеснены в неблагоприятные места, частично ассимилированы колонизаторами» (с. 46).

Что делать? «Необходимо создать новую молдавскую цивилизацию – четвертый Рим, в которой будут преодолены традиции русских воинов и спасено наследие русских колдунов». Подобно тому, как византийская цивилизация умерла, переродившись в русскую цивилизацию – в третий Рим, так русская цивилизация умрет, переродившись в молдавскую. «Молдавия может стать игольным ушком для достижения вожденной трансисторической цели – вхождения верблюда русской цивилизации на Балканы и в Царьград» (с. 51). Почему именно синтез молдавской и русской цивилизации? Четыре причины. Во-первых, «молдаване» означает молодые, «их великое призвание», заключенное в их имени, состоит в том, чтобы «стать новыми русскими», «перерожденным продолжением русской цивилизации», обосновать «новую цивилизацию от Атлантики до Тихого океана». Во-вторых, перспектива была заложена в далеком прошлом, когда славянские предки русских в VI-VII вв. впервые столкнулись на Дунае с предками молдаван – волохами и во время карпатской стоянки «находились под колдовской властью волохов» (отсюда славянские жрецы получили имя волохов) (с. 53). В-третьих, ни у молдаван, ни у русских нет другого выхода, ибо если Молдавия и Россия войдут в Европу, они станут колониями. Русским остается выбирать между среднеазиатским, кавказским и молдавским будущим своей цивилизации. Но поскольку только молдавская цивилизация будет «перерожденным» продолжением русской, то, естественно, выбор в пользу молдавской (с. 55). В-четвертых, бессарабское

происхождение автора (с. 148). С. Эрлих – по воспитанию, менталитету, образованию и в душе русский, а по географическому происхождению – молдаванин; ему хочется спасти и русских и молдаван. Влияние субъективного фактора на свои построения он не только не скрывает, а подчеркивает (с. 47-48, 148).

Какие доказательства всему постулируемому? С. Эрлих честно признается – их нет. Они дедуктивно выведены из общих идей, которые рождены интуицией, по озарению и вдохновению. «Индукция не соответствует научной практике, где внезапное озарение (доказательство для себя) предшествует длительному, не всегда жизни хватает, логическому доказательству для других» (с. 62). Не беда, что Н.Я. Данилевский, которого С. Эрлих считает гениальным (с. 73), утверждает – впрочем, тоже по наитию – обратное: определяющая черта славянской цивилизации – терпимость, а западной – насильственность, переводя на язык С. Эрлиха, русские относятся к колдовской цивилизации, а западноевропейцы – к воинской. Не важно, что виднейшие специалисты в области древнерусской и византийской культур В. М. Живов и Б. А. Успенский в отличие от С. Эрлиха *доказывают*, а не постулируют прямо противоположное - архетип западной цивилизации – смешение светской и сакральной власти, а византийской и соответственно в русской – их разделение. Все выдающиеся мыслители, как и все другие, не разделяющие точку зрения автора, заблуждаются. Его интуиция и вера – выше интуиции Н. Я. Данилевского и эмпирических и логических доказательств В. М. Живова и Б. А. Успенского (с. 78-84).

С интуицией, как известно, не поспоришь – это за пределами науки. Мы и не будем спорить. Укажем только на внутренние противоречия его концепции. Согласно С. Эрлиху, индоевропейский архетип, из которого произошли и западный, и русский архетипы, был демократическим. Но впоследствии через посредничество либо иранских народов, либо иудеев-хазар «к демократической наследственности Руси была привита ближневосточная деспотическая структура» (с. 25). С другой стороны, он настаивает, что

чем древнее архетип, тем сильнее его влияние, что архетипы не изменяются. Эти два постулата его построений находятся в противоречии.

Что касается его построений о новой молдавской цивилизации, то и здесь читателю нередко приходится недоумевать. Каким образом 4-х миллионный молдавский народ может переварить 145 миллионов россиян? Почему новая цивилизация протянется от Атлантики - а не от Карпат! - до Тихого океана? Каким образом, когда и почему Западная, Центральная и Восточная Европа, т.е. весь Европейский Союз, окажутся в составе новой молдавской цивилизации? Решений последнего, в высшей степени деликатного вопроса, может быть три: либо завоевание, либо победа в мирном соревновании, либо кризис и упадок Евросоюза как в свое время Римской империи. Ясно, что завоевание в эпоху атомного оружия невозможно. Да и силы не равны. Кризиса и упадка Евросоюза не наблюдается. Остается мирная победа. Об этом можно судить по следующему пассажиру: «Проектируемая цивилизация будет, как и западная, “колдовской”, т.е. роль государства сократится до размеров, потребных для безопасности общественной самодеятельности. В то же время она унаследует мессианский запал славянофильства, вступая в культурную конкуренцию с Западом. Взамен заранее обреченному на проигрыш соревнованию, где русские “воины” три столетия играли по правилам западных “колдунов”, придет непредсказуемое единоборство двух “колдовских” цивилизаций за право дать миру свои правила, следовательно, править миром» (с. 55). Вероятно, С. Эрлих предполагает, что в далекой перспективе Евросоюз, как и Россия, переродится в котле новой молдавской цивилизации. Все конкретные вопросы построения новой молдавской цивилизации в тумане. Для С. Эрлиха ясно только, что русский язык «продолжит свое литературное и разговорное бытие, подобное функциям ученой и вульгарной латыни», а русские классики войдут «в культурный фонд новой цивилизации на правах древних авторов» (с. 51).

Во второй части книги «Поклонение волхвам (опыт динамического структурализма)» (81 с.) выдвигается гипотеза о происхождении славянских жрецов-

волхвов от средневекового народа волохов, проживавшего на территории Закарпатья. Происхождение славян – до сих не решенная в науке проблема. Много предположений, много споров. С. Эрлих возвращается к теории о дунайской прародине славян, которая имела распространение в XIX в., но отвергнута наукой XX в. В отличие от первой части книги, где концепции постулируются, здесь автор использует данные археологии, письменных источников, лингвистики и этнографии для доказательства влахославянского симбиоза. Этих данных совсем немного, все они очень противоречивы, но автор, ведомый своей интуиции, верит, что центр сакральной власти славян в во второй половине VII-первой половине IX в. находился в именно в Прикарпатье и что это оказало серьезное влияние на последующий период развития русской цивилизации (с 136). Чем объясняется предпочтение С. Эрлиха? Во-первых, существование древней и глубинной связи русской и молдавской цивилизаций обеспечивает возможность их синтеза в новую цивилизацию в будущем, о чем шла речь в первой части книги. Во-вторых, «балканизация славянского этногенеза, - как признает сам автор, - несомненно вызвана моим бессарабским происхождением» (с. 148).

В третьей части «История мифа (“декабристская легенда” Герцена)» (250 с.) доказывается мифологическая природа декабристской концепции в российской историографии, ведущей происхождение от Герцена. Это, на мой взгляд, самая важная и наиболее профессионально сделанная половина книги.

С. Эрлих справедливо усматривает несообразность между объективным значением декабристского движения и его выдающимся положением в российской историографии. До 1994 г. вышло более 18355 публикаций о декабристах. Ни одна другая проблема российской истории, включая Великие и петровские реформы, Отечественную войну 1812 г. и Мировую войну 1914-1918 гг., не пользуются подобным вниманием историков. В чем дело? На мой взгляд, С. Эрлих находит правильное объяснение: из декабристов сделан миф. Декабристы стали культурными героями российской истории, которые давали

образцы поведения нескольким поколениям интеллигенции, лучшие представители которой сверяли с ними свои чувства, мысли и поступки. Именно декабристский миф стимулирует и направляет перо историков. Одновременно миф выступает и как предпосылка исторических исследований, и служит критерием отбора фактов и их интерпретации, заставляя историков сознательно, а чаще бессознательно, собирать факты, соответствующие мифу о декабристах как благородных рыцарях, и игнорировать те, которые в мифологему не укладываются. Идеализация декабристов лишь в незначительной степени объясняется политической конъюнктурой, официальной идеологией, социальным заказом или цензурой. Все декабристоведа верили, что научно изучают декабристов, хотя на самом деле изучали их *житийно*. Миф задавал рамки, за которые историки, как правило, выйти были не в состоянии.

Демифологизация декабристов возможна, считает С. Эрлих, если выяснить как, когда, кем и почему был создан декабристский миф. Основная часть очерка этому и посвящена. С. Эрлих тщательно и убедительно доказывает, что миф был создан А. И. Герценом. Так же, как и последующие историки, Герцен бессознательно сотворил миф, будучи уверенным, что им движет только любовь к истине и справедливости: он искренне верил в величие, могущественность и самоотверженность декабристов. Мотив также убедительно доказан С. Эрлихом - Герцен лично нуждался в этом мифе. С малых лет считая себя героем, предназначенным для спасения России и всего человечества (с. 220), он, чтобы стать продолжателем их дела, мифологизировал историю декабристов по двум линиям – по христианской модели и в соответствии с архетипами русской культуры. Подобно Христу, декабристы были судимы синедреоном Верховного уголовного суда, распяты Николаем I, потом, после отмены крепостного права и возвращения из сибирской ссылки, физически воскресли. Предназначение Герцена - сохранить наследие декабристов, отомстить чудовищу-императору и установить царство общинного социализма на Земле. С. Эрлих очень интересно и на этот раз не спекулятивно, как в предыдущих очерках, а

«индуктивно» - на герценовских текстах и на данных его биографии реконструирует мифотворческую деятельность Герцена. Чтобы стать законным наследником святого дела декабристов, Герцен проходит «декабристскую инициацию», или «испытание», принося клятву на Воробьевых горах. Приобщившись к тайному знанию и перевоплотившись в пророка будущего, он всю остальную жизнь борется с чудовищем–самодержавием, сверяя свои шаги с идеализированным образом декабристов. Христианские мотивы причудливо переплетаются с мотивами героических мифов. Поразительно, что ставший философом и атеистом, Герцен именно так, в рамках древних героических мифов и христианской парадигмы, представлял на страницах своих произведений свою деятельность и себя самого. Анализ риторики и кодов, расшифровка герценовских текстов, проведенные С. Эрлихом, не оставляет сомнения, что революционер *изображал* себя то святым рыцарем и громовержцем, борющимся с гидрой, то солнцем, побеждающим мрак. Античные метафоры сравнительно редко встречаются в текстах Герцена по той причине, думает С. Эрлих, что «они были понятны лишь узкому кругу образованных людей», в то время как образы христианства и героических мифов были понятны всем (с. 246). С последним утверждением вряд ли можно согласиться. А. С. Пушкин, сами декабристы предпочитали античные образы, хотя также апеллировали к широкой публике. Возможно, как предполагает С. Эрлих, христианские образы были ближе Герцену, который в детстве был глубоко верующим, в сущности таким и остался, только символ веры у него изменился.

Персональный миф борьбы святого рыцаря Герцена с чудовищем-самодержавием стал продолжением декабристского мифа. Декабристы стали созидательной жертвой и залогом победы разбуженных ими поколений над гидрой царизма, они были не только кроткими мучениками, но и отважными героями, не только колдунами, но и воинами. Такой образец для подражания явили они потомкам и самому Герцену, и этому образцу следовала русская интеллигенция после декабристов.

Итак, бесспорно, что Герцен и себя, и декабристов изображает, используя героические и христианские образы. Однако возникает вопрос: означает ли риторика Герцена, что творец мифов – действительно язычник и христианин, что его мышление действительно архетипично и мифологично или это просто ораторские и пиаровские приемы для завоевания публики? Как формулирует сам С. Эрлих: «Осознавал ли Герцен мифологическую структуру своих произведений»? Опираясь на Ю.М. Лотмана и Е. М. Мелетинского, С. Эрлих предполагает, что «Герцен воспроизводил мифологические схемы неосознанно», что это был «имплицитный мифологизм» (с. 221-222). Однако поскольку механизм воспроизведения мифа в творчестве авторов XIX в. не выяснен, данный тезис является гипотезой. Вследствие чего все построения С. Эрлиха пока тоже следует рассматривать как гипотезу. В частности, трактовка ключевых событий жизни Герцена, как и истории декабристов в терминах архетипов или в терминах евангелических сюжетов очень интересна, но и столь же спорна. Например, интерпретация клятвы на Воробьевых горах как настоящего акта инициации со всеми вытекающими последствиями будет выглядеть остроумной спекуляцией до тех пор, пока не будет доказано, что Герцен действительно испытал смерть и возрождение, ощутил переход в сакральное пространство, почувствовал себя приобщенным к тайному знанию, т.е. испытал все то, что испытывает дикарь во время акта инициации. Приходится констатировать: пока остается много неясного. Ощущал ли Герцен свою борьбу с самодержавием как творение новой действительности, а свое слово как магическое действо? Идентифицировал он себя с мучениками и пророками в христианском смысле вправду или метафорически? Действительно ли он считал, что декабристы принесли искупительную жертву в христианском смысле или эта была просто красивая и понятная риторика? Конструировал ли он социальную реальность по христианской модели потому, что искренне верил в нее? Словом, если использовать понятия драматургической социологии Ирвинга Гофмана:

честным или циничным актером был Герцен, и не являлся ли декабристский и герценовский мифы грандиозным театром и большим обманом?

Между тем о гипотетичности ключевого тезиса (что Герцен был имплицитным мифологотворцом) С. Эрлих говорит лишь единожды (с. 221-222), а о мифологичности мышления Герцена сотни раз. Вследствие чего читатель забывает о гипотетичности и должен думать, что Герцен сознательно или, по крайней мере, в душе, бессознательно был язычником и христианином и поэтому ощущал и мыслил как язычник и христианин.

С. Эрлих подробно и убедительно доказывает, что преломление истории декабристов через декабристский миф было присуще Герцену и при использовании источников, и при создании портретов декабристов, и при освещении истории тайных обществ. Другие его излюбленные идеи: освобождение крестьян с землей, общинный социализм, русско-польский революционный союз и объединение антиправительственных сил - также оказывали влияние на его построения, но несравненно меньшее, чем декабристский миф. «Отобранные Герценом события истории декабристов полностью укладываются в мифологическую схему, согласно которой герои и мученики вступают в бой с самодержавным чудовищем и сознательно приносят себя в жертву ради грядущего торжества своих последователей» (с. 367). При издании «Донесения следственной комиссии» Герцен выпустил многие сведения источника, выпадающие из мифологемы: о растрате С.П. Трубецким взносов Союза Благоденствия, о том, что лидеры декабристов рассматривали рядовых членов в качестве слепых орудий своей воли, что Пестель собирался казнить цареубийц, об изгнании из России и Польши евреев и т.д (с. 286-291). Интересно наблюдение, что критерием внимания Герцена к отдельным декабристам служило не только активное участие в деятельности тайных обществ, но высокий чин, литературные занятия, личные симпатии творца мифа (с. 312-313). Например, С. Г. Волконский и А. В. Поджио часто упоминаются в связи с тем, что Герцен с ними встречался (с. 313). Сдержанность к П. Г. Каховскому объясняется тем, что убийство

Милорадовича, которого Герцен лично знал и уважал, не вписывалось в образ «декабристов-рыцарей» (с. 309). Первостепенное внимание к П. И. Пестелю, представление его как социалиста и борца прежде всего за социальную справедливость определялось тем, что свои планы Герцен рассматривал как исполнение завещания Пестеля, искусственно делая из последнего социалиста и борца за социальную справедливость (с. 301). Словом, вне мифологического контекста и субъективизма Герцена понять созданную им декабристскую легенду невозможно.

Декабристский миф, считает С. Эрлих, интеллигенция хранила как священное предание, как священный текст подобно тому, как волхвы охраняли языческие святыни. Почему же он оказался самым жизнеспособным из пропагандистских творений Герцена? С. Эрлих видит две причины – общедоступность мифа, близость и понятность его образов массовому сознанию и слияние образов воина и пророка в одном лице с русской традицией симбиоза светской и сакральной власти в одних руках. Именно сочетание воинской и колдовской ипостаси у декабристов в созданном мифе обеспечило, по его мнению, живучесть мифа: различные группы интеллигенции в разные эпохи актуализировали, согласно своим потребностям, либо одну, либо другую составляющую мифа. Например, либералы идентифицировали себя с мучениками, революционеры – с воинами. Правда, всех народников С. Эрлих почему-то считает нигилистами, которые не попали под влияние декабристского мифа, на самом деле среди них были, если использовать его термины, как воины, так и колдуны. Эти актуализации и составляют собственно историю мифа, что может стать предметом дальнейшего изучения темы декабристов (с. 389). На мой взгляд, не столько понятность и эластичность декабристского мифа обеспечили его жизнеспособность и долголетие, сколько его непреходящая функциональность. Если бы миф не был нужен интеллигенции, то ничто бы его не спасло от забвения. Мало ли существовало понятных мифов – император, спасающий народ или

народ, спасающий царя. О функциях мифа С. Эрлих часто и правильно говорит, но в данном случае это упустил.

На протяжении XIX-XX вв. всей декабристский миф играл для интеллигенции воспитательную и мобилизующую роль, способствовал ниспровержению императорского строя, справедливо пишет С. Эрлих, то также и установлению советского режима, о чем он почему-то не упоминает. В советское время миф приобрел официальным статус, а декабристам была отведена роль отцов-основателей большевистского государства. Однако в сталинское время для интеллигенции (по С. Эрлиху, это только та часть людей умственного труда, которая служит народу и обладает нравственностью, с. 30) миф по-прежнему выполнял функцию воспитания ненависти к существующему режиму, хотя и в форме иносказательного изображения страданий интеллигенции, и таким образом подготовил антикоммунистическую перестройку (с. 38-40, 390).

В постсоветской России декабристский миф умер вместе с интеллигенцией, считает С. Эрлих (с. 41-44). Что дальше? Автор уклоняется от ответа на этот вопрос, но сочувственно цитирует редактора «Нового мира» А. Василевского, который предполагает, что четвертым поколением русских колдунов станут звезды масс-медиа (с. 101). Однако если следовать идее функционализма, что любая структура живет до тех пор, пока выполняет важную социальную функцию, то рано хоронить как декабристский миф, так и русскую интеллигенцию. «Смертельная опасность», нависшая над русской цивилизацией, о которой пишет С. Эрлих (с. 43-44), должна либо реанимировать декабристский миф, либо найти ему замену. Поэтому если С. Эрлих в своих оценках современной ситуации прав, то декабристский миф воскреснет, если же нет, т.е. если Россия успешно трансформируется в современное демократическое общество с русской спецификой, то не звезды масс-медиа заменят интеллигенцию, а научные эксперты. Потому что современному информационному обществу нужны не колдуны и воины, а трезвые и знающие эксперты, которые могут Россию понять умом и измерить общим аршином. В

самом деле, не пора ли колдунам и воинам – этим главным фигурам традиционного общества уйти на почетную пенсию?!

В последнем очерке «Станет ли история ”учительницей жизни”?» (“Технология власти” - проект оживления истории») анализируется происхождение и способ выхода из кризиса в котором, по мнению автора, находится современная историография. С. Эрлих полагает, что в античное время история наряду с религией и литературой была учительницей жизни. С победой христианства эта функция всецело перешла к религии. В Новое время пробудившаяся историография была поставлена под жесткий контроль государства, и функция учительства перешла преимущественно к литературе. В постиндустриальном обществе литература вернулась «на стезю эстетических игр и духовных развлечений», государственный контроль ослаб, но философия постмодерна, которая свела историю к тексту, стала препятствием на пути возвращения к античному идеалу. И только теперь, с кризисом постмодернизма, открывается возможность для историографии стать учительницей жизни. Таким образом, в аграрном обществе – религия, в индустриальном – литература, в информационном обществе - историография выполняет учительскую функцию. Чтобы выполнять эту функцию историки должны научно изучать деятельность людей и на основе этого давать образцы поведения, т.е. учить технологиям жизни. Этот глобальный проект потребует для своей реализации десятилетия, а начать целесообразно с изучения центрального власти - общественного отношения на примере России и стран Восточной Европы в Новое время. С. Эрлих предлагает проект изучения технологии власти, который поддерживается журналом, издательством, ассоциацией историков, а также международными конференциями, интернетовскими ресурсами и педагогической деятельностью. Журнал «Нестор» и одноименное издательство существуют, остальное следует создать.

С краткой историей историографии, начертанной С. Эрлихом, можно поспорить. Вряд ли правильно утверждение, что историография замолчала в Средние века или не

играла важной роли в индустриальном обществе. Нельзя согласиться, что в постиндустриальном обществе историография была убита постмодернизмом и что последний имел исключительно негативные последствия и не дал ей ничего полезного. Но это слишком известные вещи, чтобы на них сколько-нибудь подробно останавливаться. Скажу только несколько слов о постмодернизме. Во-первых, постмодернизм не являлся и не является господствующим направлением историографии, он не покорила ни свою родину – Францию, ни США, где мода на него особенно сильна. Во-вторых, он обогатил историографию новыми и полезными идеями, в частности, что прошлое конструируется самими историками, что социальные явления суть тексты, что язык порождает реальность. Эти идеи, освобожденные от крайностей, вошли в арсенал историков, которые под влиянием постмодернизма стали думать, что язык порождает, но и отражает социальную реальность, он содержит в себе социальный мир, но может быть также использован для его описания и объяснения; социальные явления обретают значение в жизни людей через дискурс, но они реально существуют, ограничивая или способствуя действиям отдельных людей и социальных групп.² Кстати, сам С. Эрлих использует постмодернистский подход, когда реконструирует декабристский миф на основе анализа дискурса декабризма, историческое явление (движение декабристов) сводит к тексту, анализирует влияние вненаучных факторов на историографию декабризма, большое внимание уделяет языку, риторике текстов. Сама идея демифологизации историографии – постмодернистская.

Что же касается его проекта оживления истории, то почему нет? Все, что предлагается резонно и реализуемо при наличии воли и средств. Если как утверждает С. Эрлих, то и другое имеются, то, как говорится, Бог в помощь!

Как можно оценить книгу С. Эрлиха в целом, что нового она дает для понимания проблем, в ней затронутых? Многие высказанные им идеи имеют предшественников, и

² Подробнее см.: Миронов Б. Н. Пришел ли постмодернизм в Россию? Заметки об антологии «Американская русистика» // Отечественная история. 2003. № 3. С. 135-146.

автор этого не скрывает, а наоборот подчеркивает. Его вдохновляли и стимулировали французский антрополог Ж. Дюмезиль и молдавский культуролог М. Е. Ткачук, И. А. Ильин и Н. Я. Данилевский, Л. Н. Гумилев и К. Н. Леонтьев, Ю. М. Лотман и Е. М. Мелетинский, Б. А. Успенский и В. М. Живов, А. С. Панарин и И. В. Бестужев-Лада, М. Н. Покровский и Н. Я. Эдельман, и, может быть, больше всех А. И. Герцен, с которым автор себя временами, кажется, идентифицирует. Идея декабристского мифа была высказана еще Н. А. Бердяевым: «В России образовался особенный культ революционной святости. Культ этот имеет своих святых, свое священное предание, свои догматы. И долгое время всякое сомнение в этом священном предании, всякая критика этих догматов, всякое непочтительное отношение к этим святым вело к отлучению не только со стороны революционного общественного мнения, но и со стороны радикального и либерального общественного мнения. Достоевский пал жертвой этого отлучения, ибо он первый вскрыл ложь и подмену в революционной святости. Он понял, что революционный морализм имеет обратной своей стороной революционный аморализм и что сходство революционной святости с христианской есть обманчивое сходство антихриста с Христом».³ Однако именно С. Эрлих ее тщательно артикулировал и обосновал. Миф Герцена принадлежит ему. Автор находится под сильным влиянием синергетических идей: столкновение цивилизаций рождает новую цивилизацию, в точках бифуркации господствует не детерминизм, а случайность, порядок рождается из хаоса и др.

Книга состоит из разнородных по методу и качеству исполнения очерков: первый – в лучшем случае публицистика, второй и третий – исследование, четвертый – заявка на исследовательский проект. Четвертый и особенно первый очерк стоят вне науки. Не украшают книгу ксенофобские мысли и чувства, встречающиеся в первом очерке. Второй, как находящийся вне главных научных интересов автора, – мне показался поверхностным: идея о происхождении волхвов от волохов натянута, балканское происхождение славян

³ Бердяев Н. А. Духи русской революции // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 287.

вырвано из контекста этногенеза славян, гипотеза С. Эрлиха не сопоставлена с конкурирующими точками зрения, чтобы читатель мог оценить ее силу. Остается впечатление, что автор просто сконструировал свою гипотезу для обоснования возможности предполагаемого им синтеза молдавской и русской цивилизаций, выполнив политический заказ. И только третий очерк, на мой взгляд, представляет собой по-настоящему научное, оригинальное, новаторское исследование. С. Эрлих впервые дал глубокий анализ декабристского мифа. Эта работа может послужить образцом для анализа других принципиальных мифов отечественной историографии – татаро-монгольского мифа, мифа о крепостном праве, самодержавного мифа, мифа о системном кризисе российской империи после Великих реформ, масонского мифа, большевистского мифа, сталинского мифа и других. Декабристский миф – только один из кирпичей, лежащих в основании отечественной историографии, все другие кирпичи, по моему мнению, сконструированы по той же модели. Глобальная демифологизация российской историографии, посвященной Киевскому, Московскому и Петербургскому периодам истории России, – актуальнейшая проблема отечественной историографии. И С. Эрлих здесь выступает одним из пионеров этого важного направления работы.

Однако книга С. Эрлиха - не сборник самостоятельных очерков, а единое произведение, в котором все части взаимосвязаны и работают друг на друга. В первой части излагается концепция о неизбежной гибели русской цивилизации и ее спасении через поглощение молодой молдавской цивилизацией и концепция о трех этапах развития русской интеллигенции. Во второй части доказывается существование древней и глубинной связи русской и молдавской цивилизаций, что обеспечивает возможность их синтеза в новую цивилизацию, о чем шла речь в первой части, и одновременно анализируется первый этап развития русской интеллигенции. В следующей части книги исследуется третий, от 1825 г. до сегодняшнего дня, этап развития русской интеллигенции, для которой декабристский миф, созданный Герценом, был

структурообразующим. На примере декабристского мифа автор показывается несостоятельность российской историографии. В последней части предлагается выход из историографического кризиса, в котором, по мнению автора, находится современная историография. Включение в претендующую на серьезную науку книгу чуждых настоящей науке очерков, наполненных не обоснованными, а иногда просто фантастическими идеями и оскорбительными в адрес некоторых народов и историографических школ оценками не кажется удачным. На мой взгляд, книга выиграла бы, если бы автор не смешивал науку с журналистикой.

Однако такие, отклоняющиеся от научных стандартов книги время от времени создаются, и это тоже является историографической традицией, которая тоже не должна прерываться. Девианты вносят разнообразие в размеренную и трезвую жизнь науки, заставляют ученых людей встряхнуться, волнуют кровь, раздражают, стимулируют и тем самым выполняют важную мобилизационную функцию.